

УДК [321.7+323/324](470+571):316.334.3

В.В. Петухов, Р.Э. Бараш
ХОТЯТ ЛИ РОССИЯНЕ ДЕМОКРАТИЮ,
И, ЕСЛИ ХОТЯТ, ТО КАКУЮ?¹

ПЕТУХОВ Владимир Васильевич — кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН, зам. председателя Научно-экспертного совета ВЦИОМ. E-mail: petuhovvv@mail.ru.

БАРАШ Раиса Эдуардовна — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН. E-mail: raisabarash@gmail.com.

В центре внимания авторов – специфика содержательной интерпретации россиянами категории «демократия». В статье проводится тезис о том, что в российском массовом сознании представление о демократии сегодня интерпретируется через соединение двух смысловых парадигм: с одной стороны, как «социальной справедливости, равных прав для всех, сильного государства, заботящегося о своих гражданах», с другой - как «прав человека, демократии, свободы самовыражения личности». Кроме того, авторы фиксируют, что запрос россиян на лучшую жизнь включает не только стремление к потребительскому изобилию, но и желание демократических свобод.

Ключевые слова: демократия, рынок, либеральные ценности, политические свободы, выборы, интернет.

Анализируя развитие демократии в нашей стране, многие специалисты довольно скептически оценивают как современное ее состояние, так и перспективы. В различных международных рейтингах, характеризующих уровень политических свобод, наша страна также находится далеко не на лидирующих позициях². Одни это объясняют нарастающей олигархизацией власти, другие – особенностями национального менталитета.

В частности, некоторые исследователи обращают внимание на то, что в России, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, переход к демократии не сопровождался «революцией ценностей». Запрос на демократию был краткосрочным и обусловлен главным образом осознанием большинством граждан СССР того очевидного факта, что демократические политические режимы в Северной Америке и Западной Европе более эффективны с точки зрения развития экономики и социальных гарантий, чем система, существовавшая в стране последние 70 лет.

© Петухов В. В., Бараш Р. Э., 2012

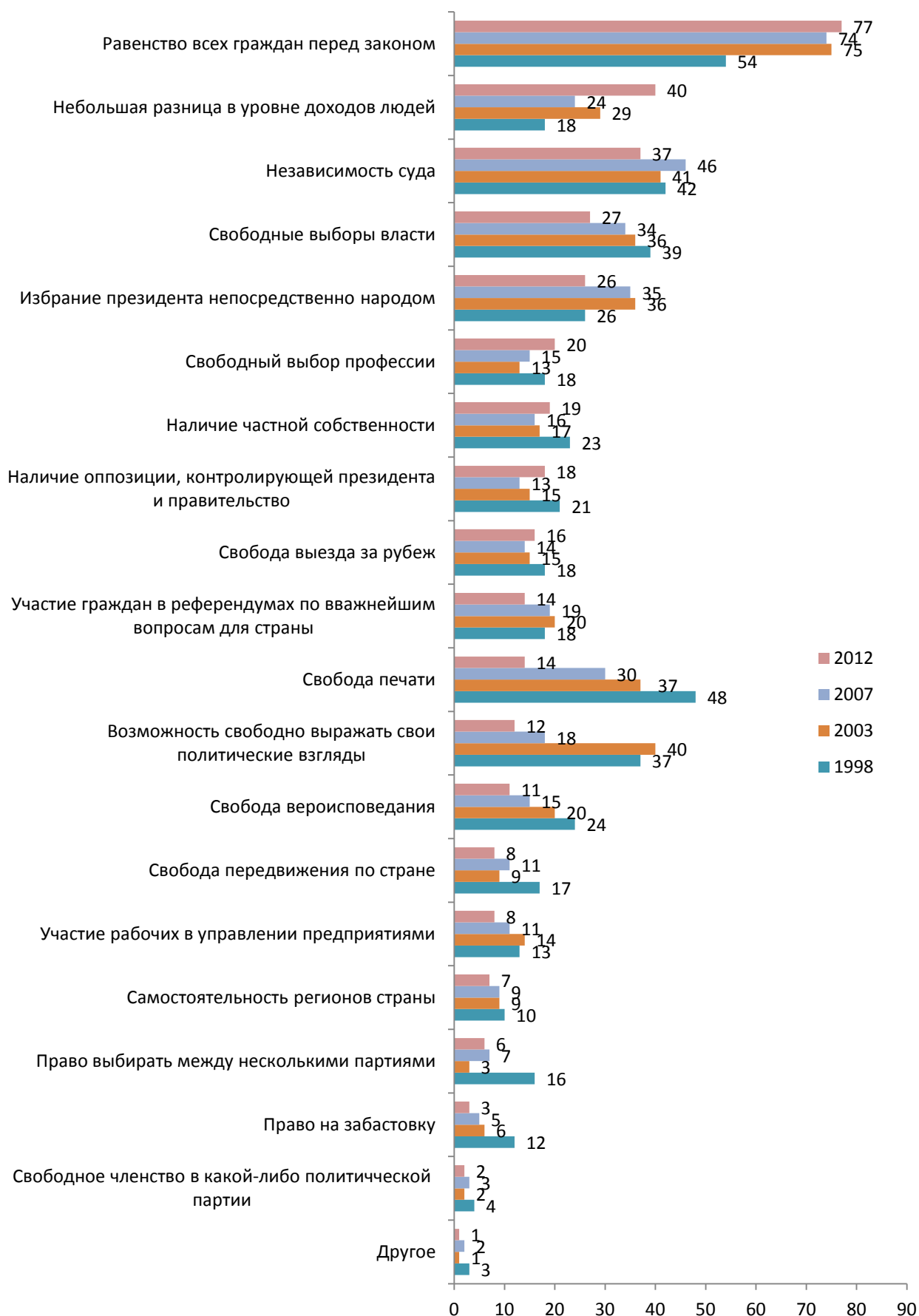
¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 11-03-000291а по теме «Социокультурный код современной российской нации (ценности, стратегии, архетипы, мифы)».

² В 2011 г., по данным журнала «The Economist», политический режим России был признан авторитарным, а уровень ее демократичности был оценен на 3,92 балла, при том, что для стран развитых демократий индекс составлял 10 и более баллов [6].

Но как только выяснилось (а выяснилось это довольно скоро), что демократия сама по себе не гарантирует быстрого роста жизненного уровня населения, не спасает от административно-бюрократического произвола, произошел быстрый откат и разочарование в ее ценностях. Такая точка зрения, однако, лишь отчасти справедлива.

Действительно, подавляющее большинство россиян в те годы в переходе к демократии видели надежду на лучшую жизнь. Но эти надежды отнюдь не сводились лишь к мечтам о потребительском изобилии. Запрос на свободу также был достаточно силен. Неслучайно, даже спустя 25 лет после перестройки россияне признают важность реабилитации жертв сталинских репрессий, снятия запрета на публичную критику высших должностных лиц, расширение гласности и свободы слова, ликвидацию цензуры, демократизацию выборов и т.п. Сами же представления о демократии, особенно в конце 80-х годов, базировались на мечте о справедливо организованном обществе, которое виделось как российский аналог «государства всеобщего благоденствия», органически сочетающий, с одной стороны, активную роль государства в экономике, сильную систему социальной защиты, а с другой – невмешательство государства в частную жизнь граждан, политические и гражданские свободы. Ясно, что дистанция между этим идеалом и реальностью, в которой жили люди в те годы, была огромной. Продолжала она оставаться таковой и в последующие годы.

Тем не менее и сегодня, судя по результатам исследования Института социологии РАН «О чем мечтают россияне» (апрель 2012г.), россияне имеют если не мечту, то вполне отчетливо выраженное представление о том, что есть общественное благо, и какая должна быть модель демократии, чтобы реализовать ее практически. На прямой вопрос: «Какая идея, лозунг в наибольшей степени выражает мечту о будущем России?» наиболее популярными являются ответы: «социальная справедливость, государство, заботящееся о своих гражданах» и «равные права для всех, демократия, свобода самовыражения личности». В каком-то смысле этот запрос можно интерпретировать в качестве мечты, причем трудно достижимой, поскольку в нашей стране соединить идеи демократии, свободы, справедливости с идеей государственности, а ее, в свою очередь, трансформировать в эффективную дееспособную власть, до последнего времени еще никому не удавалось. Любопытно, что когда речь зашла о ключевых слагаемых демократически организованного общества, респонденты отметили в качестве приоритетных те же позиции, только в иной последовательности. На первые два места они поставили (с огромным отрывом от всех остальных) «равенство всех граждан перед законом» (эту позицию отметили 77% опрошенных) и «небольшую разницу в уровне доходов людей» (40%) (см. рис. 1).

Рисунок 1 - «Что из приведенного списка абсолютно необходимо для того, чтобы Вы могли сказать: «Да, это есть то общество, которое можно считать подлинно демократическим?»», (1998 / 2012 гг.), %

Таким образом, желаемая модель общественного устройства и его демократического «оформления» базируется на двух «китах»: правовой защищенности граждан и социальной справедливости. Запрос на правовое равенство как необходимый атрибут демократии был чрезвычайно устойчив все 2000-е годы, тогда как запрос на более равномерное распределение доходов актуализировался лишь в последние годы. Есть все основания полагать, что идея «демократии равных возможностей» в будущем получит еще большее распространение, поскольку является общемировым трендом, представляя собой новое видение демократии XXI века, главным предназначением которой становится обеспечение индивидуальных и групповых прав граждан, начиная от снижения уровня социального неравенства и заканчивая расширением возможностей политического участия для более широких слоев населения, чем это имеет место сейчас.

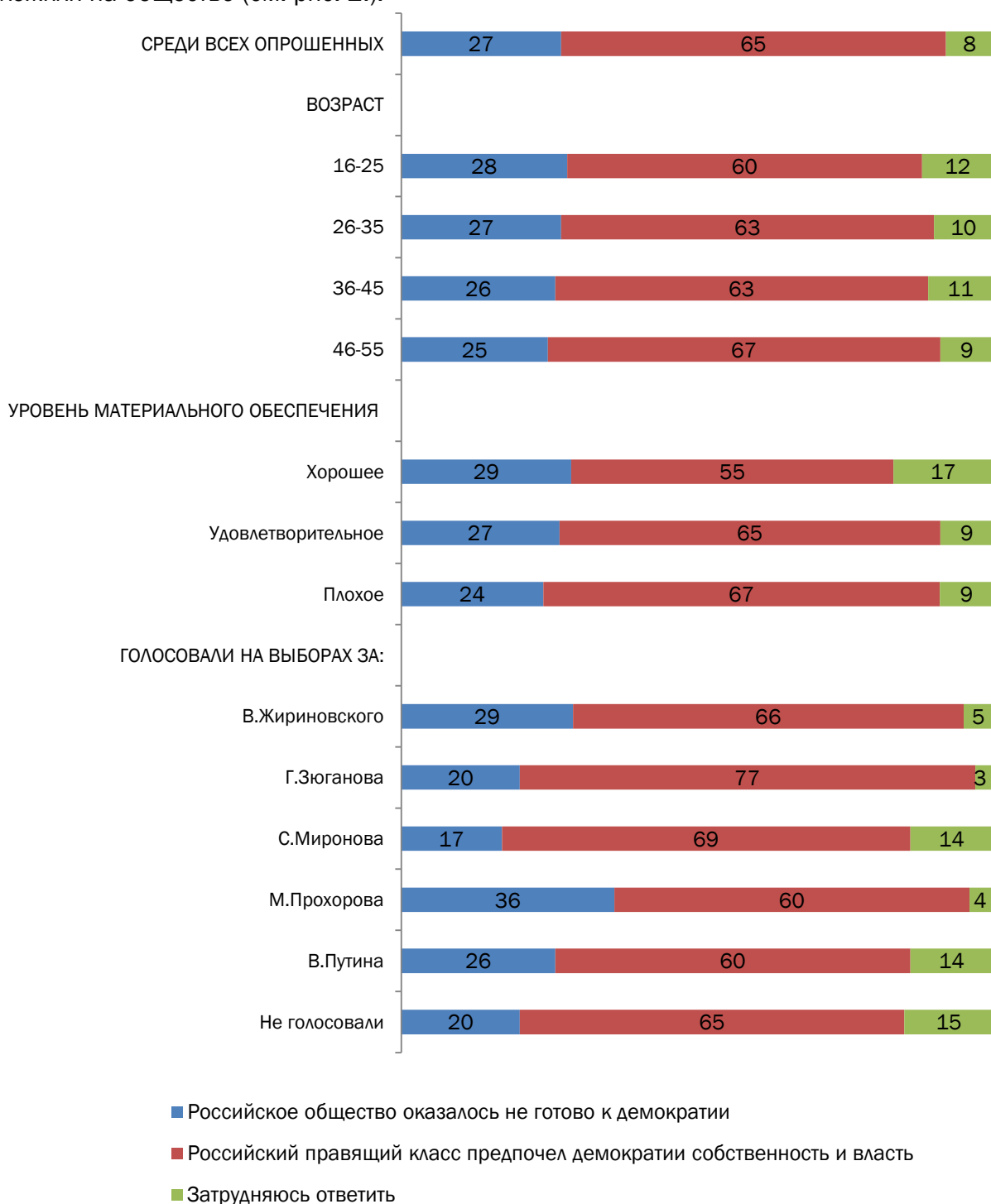
На фоне указанных слагаемых демократии все остальные актуализированы в гораздо меньшей степени. Это относится в первую очередь ко всему «пакету» политических прав и свобод, включая право на выборы в органы власти, независимые медиа, наличие политической оппозиции, а также такие инструментальные права как участие рабочих в управлении предприятиями, право на забастовку. Снижающийся интерес к некоторым аспектам демократии вполне закономерен и связан с тем, что многие права и свободы стали неотъемлемой частью повседневной жизни страны и не вызывают какой-то особой озабоченности. Это, например, относится к свободе перемещения, выезду за рубеж, свободе вероисповедания, наличию частной собственности, в какой-то степени и к свободе СМИ. Большинство россиян не видят и каких-то особых препятствий для свободного выражения своих политических взглядов: 32% опрошенных оценивают имеющиеся для этого возможности на «хорошо», 59% как «удовлетворительные», и лишь 8% как «плохие». А высоко обеспеченные респонденты и жители мегаполисов – еще выше.

Деактуализация некоторых других аспектов демократии обусловлена иными причинами. Так, снижение интереса к выборным процедурам легитимации власти связано, прежде всего, с особенностями последних выборных кампаний в Государственную Думу и Президента РФ, которые оставили у многих россиян неприятное «послевкусие». Выборы многими начинают восприниматься как формальность, если и нужная, то главным образом для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Кого и как при этом выбирают – особого значения не имеет. То же самое можно сказать и об отношении к оппозиции. Системная, представленная в парламенте оппозиция, многими гражданами воспринимается как часть властвующей элиты, роль которой заключается в том, чтобы канализировать общественное недовольство в нужное властям русло. А несистемная оппозиция вызывает пока настороженность. Затухающий же интерес к экономическим правам и свободам можно объяснить лишь фактической невозможностью в нынешней России бороться за эти права легальными, законными способами.

Нельзя не признать и то, что многие права и свободы были в свое время «дарованы» россиянам «свыше», и в обществе не сформировалось эмоционально окрашенного, бережного и даже отчасти религиозного отношения к ним и к демократии в целом, как у тех же американцев, причем не только у рядовых граждан, но и у элит. Как показывает опыт функционирования развитых демократий, именно элите прежде всего необходима вера в демократические идеалы или хотя бы формальное следование демократической процедуре.

Передача власти от Б. Ельцина к В. Путину, а затем от В. Путина к Д. Медведеву, а теперь опять от Д. Медведева к В. Путину мало напоминала демократическое волеизъявление народа.

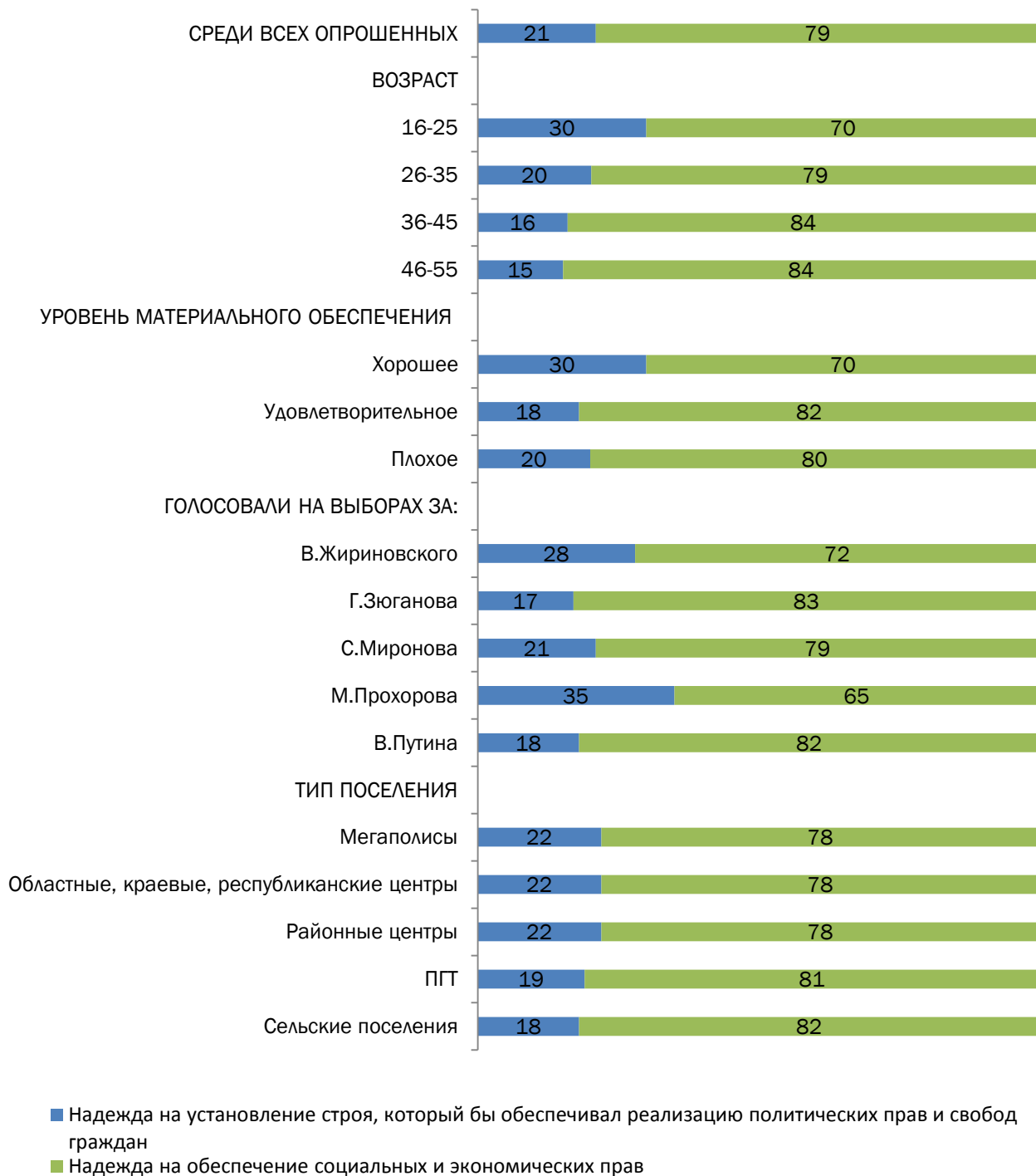
Неслучайно россияне, в отличие от многих отечественных и зарубежных экспертов, первопричину замедления движения России к демократии видят не в косности, инертности, неготовности общества к ней, а в выборе российского правящего класса, который предпочел демократии собственность и власть. Так считают 65% опрошенных. Существенно меньше тех, кто основную вину возлагает на само общество (27%). На общем фоне выделяются лишь сторонники М. Прохорова, более трети которых вину за несбывшиеся надежды о демократии возложили на общество (см. рис. 2.).

Рисунок 2 – «Если надежды, мечты россиян о демократии не оправдались, то, как Вам кажется, почему?», (1998 / 2012 гг.), %

В этом плане любопытна зарисовка, сделанная известным политологом В. Гельманом при посещении в середине 90-х годов одного старинного провинциального города. Внешний облик этого городка удивил своей неухоженностью, захламленностью и замусоренностью. Когда же он поделился своими наблюдениями с местным начальством, то в ответ услышал, что первопричиной такого положения дел является местная культура, исторически сложившиеся традиции. Однако посетив этот город вновь через несколько лет, В. Гельман увидел разительную перемену – город стал намного чище. Оказалось, что горожане избрали нового мэра, который сумел наладить эффективную работу коммунальных служб. Местная культура, по всей видимости, этим реформам не препятствовала. В связи с этим автор задает вполне резонный вопрос: может быть, нашей стране пора перестать сетовать на непреодолимость культурного «наследия прошлого», а просто учиться выбирать достойных правителей и создавать эффективно работающие институты? [1].

Обращает на себя внимание и то, что у общества и политического класса разное видение перспектив российской демократии. Результаты экспертного опроса, проведенного в 2008 г. рабочей группой ИНСОР, показали, что «главным, «пакующим» критерием [демократии], упоминаемым большинством экспертов, является политический плюрализм во всех его проявлениях: политическая конкуренция, состязательность, регулярные выборы и отсутствие партийной монополии» [2]. Политический класс, таким образом, настаивает на локализации демократии в основном сферой политики и выборных процедур, тогда как у наших сограждан более широкий взгляд на желаемую модель. В их представлениях демократия – это прежде всего не имитационные, а работающие институты, эффективность которых должна определяться динамикой уровня и качества жизни, социальной защищенностью граждан, масштабами коррупции и т.п. Большинство наших сограждан привлекает в демократии надежда на установление такого социального порядка, который бы обеспечил реализацию социальных и экономических прав граждан. Такого мнения придерживаются 79% опрошенных, тогда как политические права и свободы считают приоритетными лишь 21%. Этот показатель несколько выше у молодежи, у респондентов, проголосовавших на прошедших выборах за Михаила Прохорова, а также хорошо материально обеспеченных. Но и в этих группах доля сторонников политической демократии не превышает 30-35%. Напротив, число индифферентных к политическим правам и свободам меньше всего в электоратах Г. Зюганова и В. Путина. Неслучайно эта тема в их предвыборных кампаниях практически не звучала. Россияне не сводят эту компоненту лишь к «толщине своего кошелька», считают важным не декларативное, а реальное *обеспечение гражданам равенства возможностей*, когда индивиды, имеющие разный социальный опыт, разную систему ценностей, разные жизненные стратегии, могли бы сами выбирать сферу и способы приложения своих усилий (см. рис. 3).

Рисунок 3 - «Что, на Ваш взгляд, привлекает россиян в демократии?», %

В фиксации значимости социально-экономической компоненты демократии россияне отнюдь не одиноки. Исследования, проводимые во многих европейских странах, показывают высокий уровень корреляции между социальными завоеваниями трудящихся и «приятною» демократии обществом. Речь идет прежде всего о странах, где граждане на протяжении многих лет пользуются плодами социального государства (Голландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Швеция). Многие исследователи отмечают и обратную зависимость, выводя

социальную ориентацию указанных государств из их традиционной цивилизационной демократичности [7].

Как бы то ни было, очевидная корреляция между уровнем экономического благополучия и развитостью демократии в так называемых социальных государствах является одной из причин того, почему, несмотря на постоянную критику неоконсерваторов, в этих странах, а также в большинстве других государств Западной Европы никто от социальных завоеваний 60-х-70-х годов отказываться не спешит. Настоящая, а не формальная демократия, как свидетельствует мировой опыт, предполагает также более равномерное распределение богатств и ресурсов, чем это имеет место в современной России, контроль за экономической деятельностью крупных корпораций со стороны общества, в тех случаях, когда эта деятельность способна нанести вред человеку и окружающей среде. Если этого не происходит, то и демократия, по мнению, например, Б. Капустина, становится дефектной, поскольку ее институты перестают соответствовать тем задачам, которые они должны реализовывать, правилам и нормам, которым должны соответствовать. И прежде всего, служить справедливости, содействовать облегчению положения «низов», их защите от экономической эксплуатации, социальной дискриминации и политического угнетения, снижению уровня неравенства в обществе, облегчению доступа к благам культуры и образования [3].

Ложно и слишком буквально понятый лозунг «священности и неприкосновенности частной собственности» не только привел к череде катастроф с многочисленными человеческими жертвами, но и обусловил абсолютную закрытость и непрозрачность корпоративного сектора и рынка труда. Сложившийся в стране симбиоз корпоративного бизнеса и корпорации чиновников, по мнению С. Перегудова, накладывает существенный отпечаток на всю систему общественных отношений в стране. Его влияние проявляется в первую очередь в деполитизации отношений общества и государства, закупорке каналов взаимодействия общества с властью, отчуждении рядовых граждан и от бизнеса, и от самой власти [4, с. 226].

Между тем в мире накоплен огромный опыт правовых, политических форм воздействия на экспансионизм крупного бизнеса. В современной России их практически нет: профсоюзы уже давно «играют» на стороне работодателей и государства, а право на забастовку, если руководствоваться нормами нового трудового кодекса, практически *не реализуемо в законных, легальных формах*. Неслучайно массовые выступления трудящихся, которые получили широкий резонанс (Пикалево, Междуреченск и т. п.), высшим руководителям государства пришлось «разруливать» лично, в ручном режиме. Характерно и то, что российская оппозиция, за редким исключением, игнорирует экономические и социальные требования трудящихся и при этом недоумевает, почему российская глубинка до сих пор еще не присоединилась к столичным акциям протеста.

Тем не менее, в некоторых группах и слоях растет понимание взаимосвязи экономических и политических прав, того, что именно уровень развития демократии в стране в конечном счете определяет возможность честно работать и зарабатывать. Надо, однако, признать, что их меньшинство. Даже в высокодоходных группах и среди молодежи их не более трети.

Большинство же населения, повторяя вслед за Д. Медведевым, что «свобода лучше, чем не свобода», одновременно настаивают не только на укреплении роли государства во всех сферах жизни общества, но и на необходимости «твердой руки», которая навела бы в

стране порядок. Такую «разновекторность» общественных установок можно объяснить разными причинами. Например, нестабильностью, неопределенностью, характерной для ситуации в стране. Или тем, что россияне в массе своей воспринимают *понятия свободы, справедливости и порядка не как бинарные конфликтующие оппозиции, а как ценности, в равной степени необходимые для нормальной жизни страны и каждого отдельного человека.*

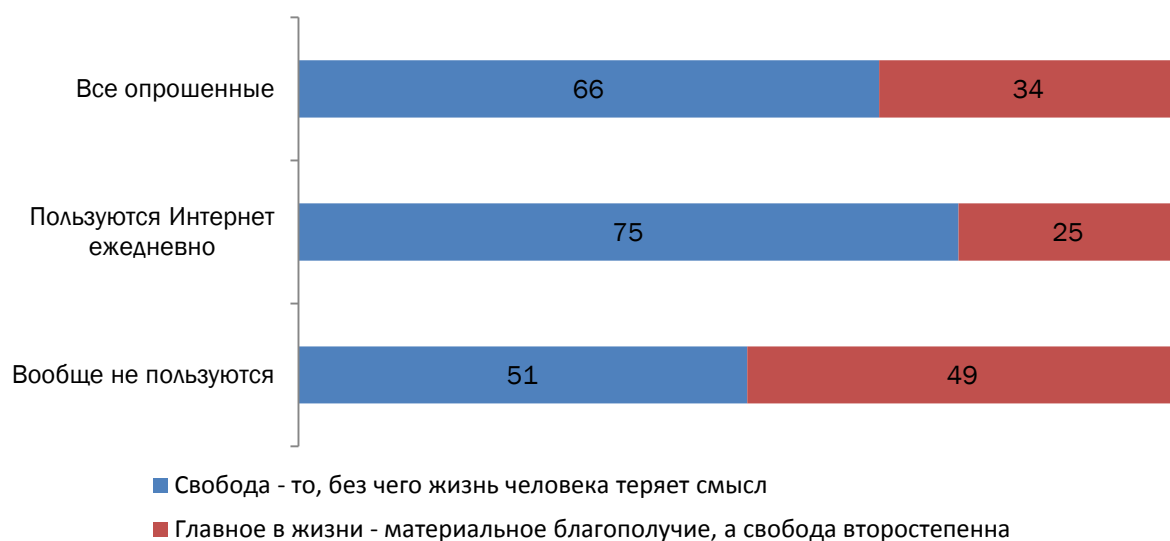
Но главная причина заключается в росте отчуждения общества от власти. Кризис доверия, который в последнее время проявляется все в более острых формах, в свою очередь, порождает новые линии размежевания, которые касаются не столько целей общественного развития, сколько методов их достижения. Все россияне хотят примерно одного и того же – законности, достатка, эффективно функционирующих институтов, морального оздоровления общества и т. д. Но если часть бизнеса, низовой бюрократии, бюджетников, городской молодежи готова поддержать достижение этих целей через демократизацию и либерализацию общественной и политической жизни, то «традиционалистские» слои усматривают вектор возможных изменений в усилении «порядка» путем жесткого, а в ряде случаев и силового подавлении всех тех, кто якобы мешает властям этот порядок наводить.

Несмотря на то, что сторонников «сильной руки», «ручного управления» практически в два раза больше, чем тех, кто ориентирован на либеральные и демократические ценности, голос последних сегодня слышен гораздо отчетливее, чем еще пару лет назад. Если еще совсем недавно повышенным активизмом отличались пенсионеры и льготники (достаточно вспомнить массовые протесты против монетизации льгот), то для настоящего времени характерен рост участия со стороны молодежи. Особого внимания в этом плане заслуживает «взрыв» гражданской активности в Интернете. Интернет, а скорее даже социальные сети, являются на сегодняшний день наиболее эффективным механизмом массовой мобилизации и во многом единственным реально действующим инструментом горизонтальных связей в социуме. Многие специалисты относятся к новым интернет-технологиям довольно скептически и даже настороженно, усматривая в них своеобразное проявление «нового деспотизма», т. е. изоциренно-рафинированных форм отчуждения от власти, манипулирования общественным мнением и имитационных форм участия [5, с. 142–149]. Однако нельзя не видеть и того, что именно Интернет дал толчок многим гражданским инициативам, которые уже выходят из виртуального пространства в жизнь, позволил «высветить» реакцию властей на многие проблемы, заставил их прислушаться к общественному мнению.

В России, как и во многих других странах мира, Интернет и социальные сети все активней начинают теснить телевидение. Более того, как отмечает Дж. Коул, директор "Центра Цифрового будущего" при университете Северной Каролины (The Center for the Digital Future at the USC Annenberg School for Communication), телевидение сегодня оказывается в арьергарде оперативности передачи информации, зачастую черпая информацию для новостных блоков из Интернета и новостных сетей [7]. С этой точки зрения уже не имеет принципиального значения, будут ли те или иные политические акции, включая протестные, показаны по телевидению или освещены в газетах, поскольку информация о них, в любом случае, будет передана через Twitter, Facebook, YouTube.

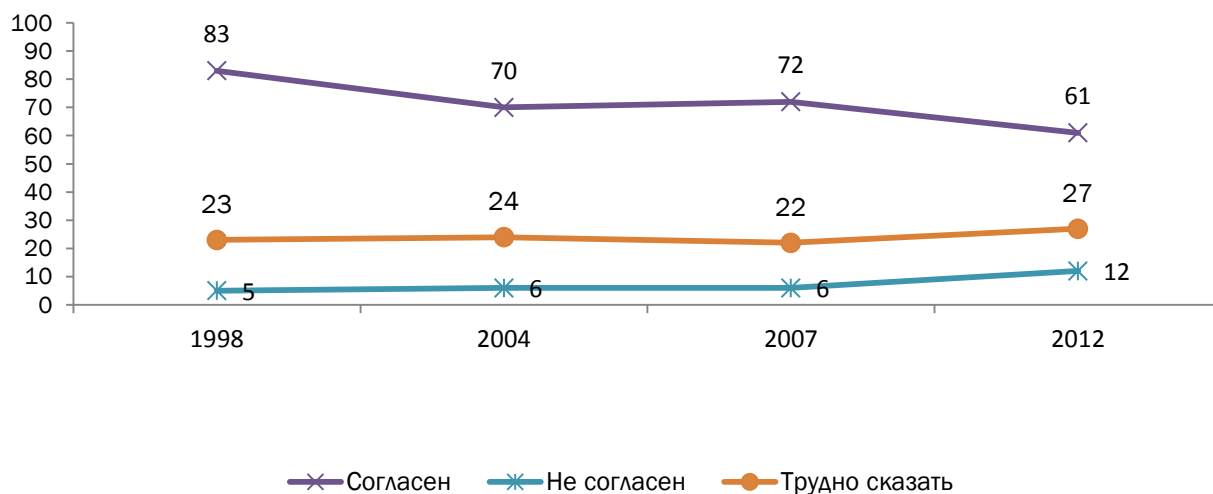
Гипотеза о появлении двух страт общества, одна из которых обращается к телевидению, а другая – к Интернету как главному средству познания и интерпретации реальности, получает эмпирическое подтверждение. С одной стороны, пользователи Интернета в гораздо большей степени осведомлены как о внутри-, так и о

внешнеполитической обстановке, мыслят гораздо более критически, в большей степени склонны не только самостоятельно выбирать информационный продукт для себя, но и специфику его аналитического преподнесения. С другой стороны, они настроены гораздо либеральнее тех, кто пользуется Интернетом редко или не пользуется вовсе. Различие во взглядах тех, кто пользуется Интернетом, и тех, кто делает это крайне нерегулярно или вообще не делает, проявилось и в блоке вопросов, касающихся ценностей свободы и демократии. Активные интернет-пользователи заметно чаще отдают предпочтение политическим правам и свободам, чем те, кто им не пользуется, и, напротив, существенно реже ориентированы на материальное преуспеяние. Но главное, появились новые формы политического интернет-участия (см. рис. 4).

Рисунок 4 - «На Ваш взгляд, свобода – смысл жизни, или главное – это материальное благополучие?» (среди всех опрошенных и пользователей Интернет), %

Не менее существенным сдвигом в массовых настроениях можно считать изменения отношения общества, отдельных социальных групп к роли и месту оппозиции в политической жизни страны. Как уже отмечалось, лишь 18% опрошенных назвали оппозицию неотъемлемой составляющей демократического общества. Неслучайно многие участники «Белого движения» не спешили соотносить себя с оппозицией. И это связано, прежде всего, с тем, что массовое сознание уже не ставит знака равенства между демократией и наличием оппозиции в качестве ключевого элемента системы сдержек и противовесов существующей власти. Если в 1998 г. 83% опрошенных считали, что настоящая демократия не может существовать без политической оппозиции, то в 2012 г. их доля сократилась до 61% (см. рис. 5).

Рисунок 5 – Согласие/несогласие с мнением: «Доля россиян, поддерживающих мнение о том, что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции, %»

Такое снижение обычно объясняют тем, что системная часть оппозиции чрезвычайно сервильна, а несистемная — пока «далека от народа», не структурирована и не консолидирована. В действительности же главная причина состоит в ином – значительная часть общества сегодня уже просто не нуждается в посредниках и стремится самостоятельно донести свои требования до властей, действуя прямо и открыто. Во всяком случае, многих наших сограждан сегодня уже не смущает тот факт, что жесткие требования, выдвигаемые различными общественными группами перед правительством, могут нарушить общественную стабильность. Практически в два раза (с 61 до 32%) сократилась доля тех, кто согласен, что нужно быть умеренными при выдвижении своих требований. Еще больший радикализм демонстрируют россияне в отношении акций прямого действия – демонстраций, забастовок. Чуть более 10 лет назад большинство опрошенных (60%) полагали, что граждане не должны иметь право на массовые выступления, если это как-то негативно скажется на общественной стабильности. Сегодня так считают лишь 37% (см. табл. 1.).

Таблица 1 Динамика представлений россиян о границах воздействия граждан на власть, %

Жесткие требования различных общественных групп к правительству могут повредить всеобщему благополучию				
	1998	2004	2007	2012
Согласен	61	61	58	32
Не согласен	18	17	22	35
Трудно сказать	21	22	20	33
Гражданин не должен иметь право на забастовку и проведение демонстраций, если есть угроза общественному порядку				
Согласен	60	57	58	37
Не согласен	26	26	26	36
Трудно сказать	14	17	16	27

Это, с одной стороны, позитивный сдвиг в массовых настроениях, свидетельствующий о изживании патерналистских комплексов, упования на власть если не у всех, то у значительной части населения. С другой стороны, готовность бороться за свои права и интересы на фоне девальвации большинства легальных и легитимных форм политического участия (партии, профсоюзы и т.п.) не может не вызывать тревогу, особенно в ситуации наметившегося общественного раскола. При определенных обстоятельствах это может привести к конфликтному противостоянию «протестных активистов» не только с властью, но и с молчаливым большинством. Хотя возможен и другой сценарий – постепенное «перетекание» части этого большинства, еще недавно голосовавшего за В. Путина, в стан недовольных. По причине как ухудшения социально-экономической ситуации в стране, так и стремительного разрастания охвата социальных сетей, которые сегодня являются не только главным мобилизующим ресурсом, но и наиболее эффективным механизмом распространения самых разных, далеко не всегда либеральных идей и воззрений. Тем более, что рост доходов населения приостановился и уже не компенсирует ухудшение качества жизни, развал социальной инфраструктуры (медицины, образования, культуры), сужение горизонта возможностей для самореализации, прежде всего молодежи. Одна из причин, выводящая людей на улицы российских городов, – пугающая перспектива многолетнего застоя, причем не только политического, но и в корпоративном секторе и на рынке труда.

Итак, развитие интерактивных технологий, новых форм гражданской активности и самоорганизации переводит вопрос о перспективах российской демократии в иное русло. Ключевым ее аспектом постепенно становится «демократия участия», предполагающая *«перезагрузку» не только институтов власти, но и гражданского общества*, призванного запускать и поддерживать в надлежащем тоне механизм перевода частных, групповых, зачастую трудно сочетаемых друг с другом интересов наших сограждан на язык общезначимых проблем. В первую очередь это относится к системе политического представительства. И есть некоторые основания полагать, что к следующим парламентским выборам Россия будет иметь иную, чем сейчас, конфигурацию партийно-политической системы, где наряду с традиционными, вертикально интегрированными партиями с фиксируемым членством, «партийными ячейками», лидерами и т. п., могут появиться более гибкие образования, в большой степени отвечающие потребностям нынешнего поколения россиян. Это могут быть своеобразные «общественно-партийные холдинги», «партии одного требования» и т.п., в которых тон будут задавать не партийные функционеры, а гражданские активисты, деятельность которых не будет ограничиваться лишь участием в выборах. Нет сегодня более важной задачи, чем вернуть обществу в какой-то момент потерянную веру в эффективность демократических институтов и свою способность оказывать влияние на происходящие в стране процессы. В то же время надо отдавать себе отчет в том, что «живое творчество масс» не может и не должно заменять собой эффективно функционирующие государственные институты. С этой точки зрения идея взаимопроникновения, своеобразной конвергенции государства и гражданского общества выглядит как наиболее адекватная современным реалиям нашей страны.

Литература

- 1 Гельман В. В чем виновата культура? // Слон.Ру. : [веб-сайт]. URL: http://slon.ru/russia/v_chem_vinovata_kultura-442402.shtml.
- 2 Демократия: развитие российской модели М. : ЭКОНИНФОРМ, 2008. (Библиотека Института современного развития) // Институт современного развития : [веб-сайт]. URL: http://www.insor-russia.ru/files/LowResDemocracy_Books_final.pdf.
- 3 Капустин Б. Г. Почему демократия перестает работать : политэконом. взгляд на современ. // Русский журнал : [веб-сайт]. 2011. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-rovestka/Pochemu-demokratiya-perestayet-rabotat>.
- 4 Перегудов С. П. Бизнес и бюрократия в России: динамика взаимодействия // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 6. М. : Ин-т социологии РАН, 2007.
- 5 Красин Ю. Метаморфозы российской реформации : политолог. сюжеты. М. : Ин-т социологии РАН, 2009.
- 6 The Democracy Index 2011 : democracy under stress // Economist Intelligence Unit : [веб-сайт]. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2011.
- 7 Digital Future Report 2010 // Center for Digital Future: [веб-сайт]. URL: http://www.digitalcenter.org/pages/current_report.asp?intGlobalId=43.